

Е.Ф. Фурсова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ТРАДИЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ОБУВИ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.)

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Статья посвящена некоторым аспектам вопроса о происхождении меховой и войлочной обуви, без которой невозможно представить жизнь в сибирских условиях. Автор делает попытку бросить «взгляд в прошлое из настоящего». С целью выяснить исторические корни некоторых видов сибирской обуви, привлечены ранее неизвестные этнографические материалы – записи по одежде старожилов Приангарья первой четверти XX в. этнографа В.К. Мультинова. Анализ конструкции, приемов изготовления обуви, связанных с ними терминов позволил выяснить этнокультурный состав ангарцев.

Ключевые слова: русские старожилы; Сибирь; Приенисейский край; традиционные ценности; обувь; бродни; бакари; пимы.

Территория юга Приенисейского края вошла в состав России в XVII – начале XVIII в., к первому десятилетию XVIII в. относят исследователи и формирование здесь старожильского костяка [1. С. 45; 2. С. 50]. Русское население, по переписи 1713 г. уже численно преобладавшее над коренными жителями, принесло традиционные формы славянской культуры и создало новые, пригодные для проживания в сибирских природно-климатических условиях элементы материальной культуры. В этнографической литературе создание локальных видов одежды и обуви русских сибиряков нередко связывают исключительно с влиянием местных народов, отказывая, таким образом, переселенцам в творческих поисках решения проблемы выживания, сметке и ремесленных навыках. Признавая факт, что процессы межэтнического взаимовлияния не могли не происходить при близких контактах этносов, тем не менее, автор хотела бы подвергнуть более внимательному анализу имеющиеся источники в плане сохранения и развития традиционных ценностей русских сибиряков, которые при длительном проживании за тысячи километров от Европейской России сохранили свою идентичность и историческую память.

Экспедиции Алтайского этнографического (1978–1984 гг., рук. Л.М. Русакова), а впоследствии и Восточнославянского этнографического (1988–2016 гг., рук. автор) отрядов, организованных Институтом археологии и этнографии СО РАН (ранее – Институтом истории, философии и филологии СО АН СССР), позволили ввести в научный оборот массовый этнографический материал по этнографии, в том числе традиционному костюму русских Сибири [3]. Дополнительными источниками для реконструкции традиций русской обуви в Сибири XVI–XVIII вв. являются данные археологии, из которых наиболее важны для нашего исследования труды, опубликованные по материалам кожаной обуви Позднего средневековья М.И. Беловым, О.В. Овсянниковым, В.Ф. Старковым, С.Г. Скобелевым, В.Б. Богомоловым, Л.В. Татауровой, М.П. Черной и пр. Эти археологиче-

ские изыскания проводились в Сибири, нередко в сходных с Приенисейским краем (Приангарьем) природно-климатических и социокультурных условиях. Основным источником для исследования различных видов и типов обуви старожилов-енисейцев послужила рукопись «Одежда населения Приангарского края. 1926 г.» В.К. Мультинова из Отдела рукописей Российского этнографического музея (ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22), в которой не только подробно описан этот элемент материальной культуры, но и даны авторские зарисовки, привлеченные в данной статье в качестве иллюстраций.

Археологические источники о русско-сибирской обуви XVI–XVIII вв. Мужскими домашними промыслами русских, как и других славянских народов, на протяжении многих веков была обработка кожи и меха (скоры). Кожа шла на изготовление обуви, поясов, сбруи, ножен, колчанов, пошив сумок разного назначения. Археологические исследования древнерусских курганов, начавшиеся еще в XIX в., свидетельствуют о том, что сельское население X–XII вв. знало такие сорта кожи, как юфть (русский сорт кожи), опоек, подошвенная кожа, кожа сыромятного изготовления, сафьян, усмие, хоза [4. С. 38–60; 5. С. 368, 370]. Однако кожаная древнерусская обувь из городских коллекций XII–XIII вв. не может быть безоговорочно использована для ретроспекции обуви крестьянства более позднего времени. Городские экземпляры в Средневековье представляли собой более сложный ремесленный продукт в сравнении с крестьянской обувью даже XIX в. как в конструктивном отношении, так и в плане обработки кожи, ее декорирования (ср., например, коллекцию обуви Владимиро-Суздальского музея-заповедника, раскопки Д.Н. Григорьева, Л.Л. Гальчук) [6]. Можно указать на веками сохранявшийся способ крепления обуви на ноге при помощи ремешков, продернутых в прорезные отверстия или в опушку, а также затягивавших башмак на ноге поверх голенищ в районе щиколотки и под коленом. Такие способы крепления были свойственны ираноязычным народам древности и, ви-

димо, были широко распространены в средневековой Евразии [7. С. 156, 221; 8. С. 574].

Кожа была одним из основных товаров XVI–XVII вв., производившихся на территории Нижегородской, Казанской, Московской, Ярославской и Костромской губерний [9. С. 176]. В XVII в. так называемая красная юфта, получавшаяся в результате дополнительной обработки красным сандалом и салом, была в числе 6 «указных» товаров, торговля которыми составляла монополию царской казны, очевидно, потому, что спрос на такую кожу за границей был особенно высок [Там же]. В средневековой Руси, как и в России XIX в., в условиях преобладания натурального хозяйства в каждой крестьянской семье мужчины умели выделывать шкуры животных на мех или кожу [5. С. 370]. Процесс обработки кожи включал очистку от мездры, квашение, дубление, скобление. Выражение «дубить» являлось общим для всех восточных славян, означающим крашение кожи и тканей корой деревьев [10. С. 211]. К настоящему времени прослежена эволюция кожевенного производства, выявлены локальные виды и типы обуви, однако, как справедливо замечают археологи, все же подавляющая часть опубликованных сведений получена в ходе раскопок в городах и острогах [11. С. 7]. Обнаруженные археологами туфли на высоких каблуках XVI–XVII вв., таким образом, свидетельствуют о более раннем появлении каблучной обуви у русских в сравнении с европейскими народами, где это нововведение относят только к XVII в. [8. С. 573].

Кожаная обувь русского населения Сибири XVI–XVIII вв. исследована крайне неравномерно, наиболее полно представлены итоги изучения обуви, полученные при раскопках Мангазеи [12, 13], Томска, Кузнецкого, Саянского острогов и пр. [14, 15]. С.Г. Скобелевым были проанализированы вопросы конкретных влияний на коренных жителей со стороны русских людей на территории юга Приенисейского края в XVII – начале XVIII в. Один из выводов заключается в том, что через посредство русских в регион поступало большое количество товаров западноевропейского, средне- и восточноазиатского происхождения. Из этого следует, что енисейские старожилы не представляли собой замкнутую, изолированную группу населения, несмотря на отдаленность от центра Европейской России.

Анализ археологических материалов из Мангазеи позволил М.И. Белову, О.В. Овсянникову, В.Ф. Старкову выделить три вида русской обуви XVI–XVII вв. в зависимости от покроя и технологии изготовления: 1) архаичная обувь типа «поршней» из одного куска кожи, собиравшегося вокруг ног при помощи ремешков, продернутых в отверстия; 2) обувь с пришитой подошвой типа башмаков или сапог, которая держалась на ноге также при помощи ремешков или веревок; 3) плетеная обувь из древесных материалов [12. С. 51]. Обувь типа поршней хотя и встречается в сибирских музеях, однако, согласно полевым материалам (данным

интервью 1970-х гг.), такие образцы были привезены в начале XX в. в Сибирь поздними российскими переселенцами из украинско-белорусских земель, т.е. мест ее бытования в конце XIX – начале XX в. Возможно, что и в числе товаров она поступила в Мангазею из этих же мест ее бытования. По мнению Г.С. Масловой, поршневидную обувь носили главным образом горожане (Новгорода, Смоленска, Старой Рязани, Москвы и пр.), но и у крестьян она тоже была известна [16. С. 250]. Исследовательница указала на универсальный характер и распространенность поршневидной обуви не только у славян, но и их соседей. Поршни обували в северо-западных губерниях и на крайнем юге России, т.е. там, где мало носили лапти или их не было совсем (донские, кубанские казаки). Томские археологи выделили не только цельно-, но и детальнокроенные (мокасинная конструкция) поршни, в которых края куска кожи собирались по ноге, но дополнительно в носок пришивалась треугольная вставка [15. С. 158]. Эта классификация поршневидной обуви повторяет уже ранее предложенную этнографами [16. С. 250].

Согласно этнографическим источникам именно обувь *второго вида* можно считать предтечей распространенной среди русских селян чирков (вар. чарки), обуток, бродней, бутыл и пр. Важнейшим отличием чирков, обуток, бродней и прочих от указанной выше поршневидной обуви был технический прием ее изготовления – выворотным швом, т.е. после сшивания верха и низа изделие выворачивали и швы соединения оказывались внутри. На этот факт обращали внимание и многие наши пожилые информанты, которые сами в прошлом сапожничали (Полевые материалы автора 1977–1983).

По полевым материалам, относящимся к началу XX в., в сельской местности очень мало встречалось башмаков, выделенных археологами 2-й группы этого типа, т.е. из дубленой кожи, сшитых по косой колодке, с каблуком и жестким задником (Полевые материалы автора 1977–1990). Этот факт можно объяснить тем, что традиционные предпочтения населения «непашенного» города Мангазеи, которое жило привозными «хлебными запасами и товарами», могли быть, конечно же, отличными от крестьянских традиций. Таким образом, обувь так называемых жестких форм, представленная в археологических коллекциях, значительно отличалась от образцов в сельской местности, которая в повседневном быту относилась к мягкой.

Как следует из монографии М.И. Белова, О.В. Овсянникова, В.Ф. Старкова, из различных районов Европейской России в Мангазею привозилась также плетеная обувь, которая не имела распространения в Сибири XIX в. (за исключением ее обувания при выполнении некоторых видов работ).

Возможности проведения широкого анализа с привлечением большого объема археологических и этнографических источников все же ограничены из-за фрагментарности и малочисленности находок обуви, на что указывают и археологи, комментируя, что при «рас-

копках в большей части погребений обуви не обнаруживается» [11. С. 8]. Не обнаруживается по археологическим материалам также множество видов и типов зимней, межсезонной, промысловой и обрядовой обуви, известной по этнографическим источникам. Нет ясности, в частности, в вопросе о происхождении меховой и войлочной обуви, без которой невозможно представить жизнь в сибирских условиях. Тем не менее попробуем использовать метод ретроспекций («взгляд в прошлое из настоящего»), чтобы выяснить исторические корни некоторых видов кожаной и меховой обуви на сибирской земле, привлекая имеющиеся этнографические материалы по обуви старожилов Приангарья первой четверти XX в., т.е. до ее массового производства. Как уже не раз было показано в литературе, конструкции, технические приемы изготовления обуви, связанные с ней термины могут служить важнейшим этнографическим источником.

Данные об обуви русских (чалдонов) Приангарья. Крестьяне юга Приенисейского края проживали в зоне таежных лесов, и, естественно, их неземледельческая деятельность была связана с лесными промыслами, прежде всего с охотой и рыбной ловлей. Именно по этой причине в рукописи «Одежда населения Приангарского края» (1926), в которой подробно описана одежда местных чалдонов как «одежда промышленников и землепашцев», В.К. Мультинов уделил особое внимание описанию промысловой обуви. Предваряя записи, автор, прежде всего, призывает не искать в костюме «чего-нибудь яркого, ни по красоте, ни по своеобразности» [17. Л. 1]. Причину такого мнения, возможно, следует искать в отсутствии здесь выраженной красочности, большого количества украшений

и прочего, свойственных, например, южнорусской одежде. Видимо, не располагая знаниями о распространенности кожаной обуви в виде мягких сапог с пришитым высоким голенищем с петлями и ремешками (для подвязывания к ноге) на севере и северо-востоке Европейской России [16. С. 250], Мультинов отмечал их как сибирское «своеобразие». Приведем текст описания обуви ангарца, относившейся к началу – первой четверти XX в.: «Принужденный постоянно бродить по тайге в поисках зверя и дичи, по воде с неводом и брести десятки верст пешком на отдаленные поля (лошади летом редко бывают “в руках”, т.е. не “на воле”), местный абориген, прежде всего, заботится о легкой, удобной для такого бродения обуви. Она так и называется “бродни”» [17. Л. 2]. Здесь под аборигеном подразумевается сибиряк-старожил, чалдон. Чалдонами называли себя часть старожилов Сибири, по их легенде, являвшихся потомками выходцев с Дона, донских казаков [19. С. 65–69]. В другом месте текста автор утверждал не только значение этой обуви в качестве промысловой, но и как повседневной, будничной [17. Л. 3]. Мальчишкам полагалось носить бродни с пяти лет, т.е. со времени, когда обозначались половые отличия в костюме. Впрочем, автор также отмечал, что чудь, чудины (у автора указано, что чудинами в Приангарье называли маленьких детей потому, что те еще «чудили», т.е. вели себя непосредственно), могли выбегать на улицу босиком и в тридцатиградусные морозы [Там же. Л. 4]. Указывая на бродни как мужскую обувь, Мультинов писал, что при рыбной ловле, неводьбе (ловле рыбы неводом) эту обувь обували и женщины.

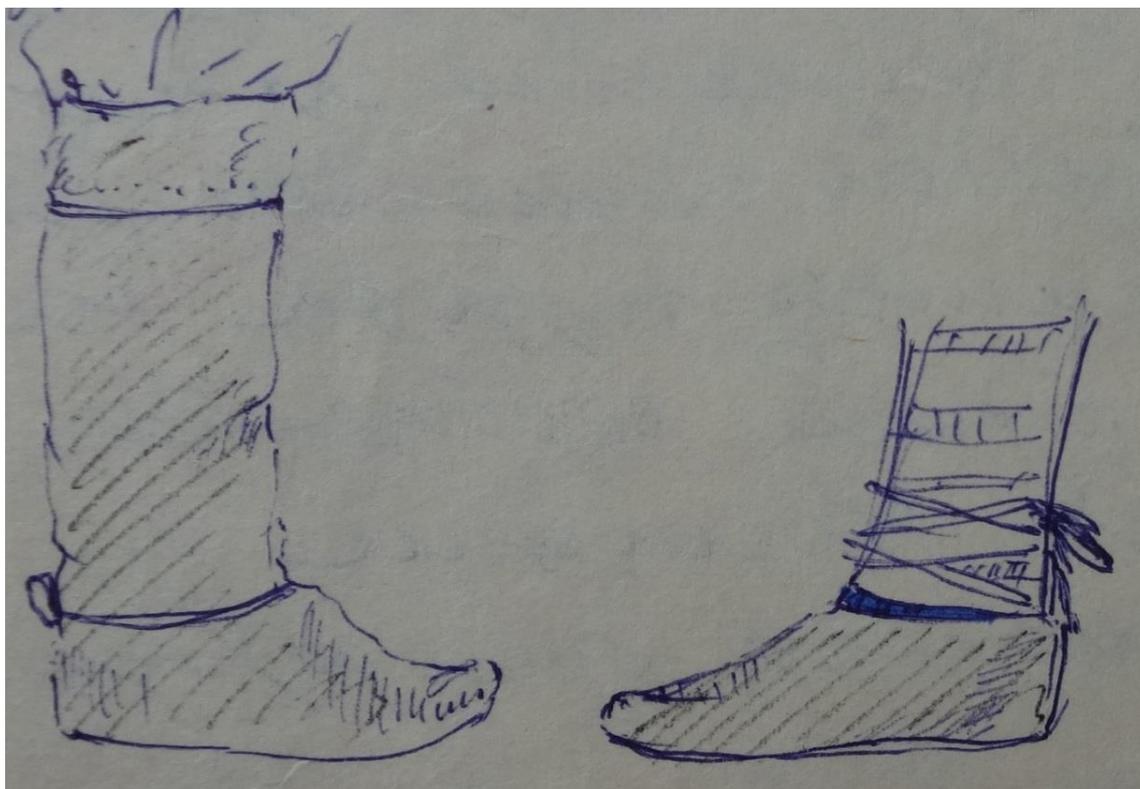

Рис. 1. Рисунок бродни и чирка из рукописи В.К. Мультинова, 1926 г.

Рис. 2. Витье веревок в д. Ярках Енисейского уезда 1914 г. На обороте фотографии надпись карандашом: «Свать Капитонъ за витьем веревок». Фотография поступила в музей в 1916 г. Источник: <http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html>

Согласно описанию, бродень изготавливался из передка-головки (чирка) и пришитого к нему голенища (голяшки). Чирок также состоял из двух частей: подошвы и передка. «У соединения голенища с чирком приделывают кожаные ушки для продергивания ремня с пряжкой или просто веревки, чтобы стягивать бродень у шиколотки ибо он всегда шьется больше и может иначе «хлястать» [17. Л. 3]. Такой тип обуви можно видеть на архивных фотографиях крестьян-чалдонов Красноярского края, относившихся к началу XX в., а также рисунках самого автора описания (см. рис. 1, 2) (эти и последующая фотографии были сделаны во время работы Ангарской экскурсии (экспедиции), которая была организована в 1911 г. на средства Переселенческого управления во главе с музейным работником Александром Петровичем Ермолаевым с целью обследования материальной культуры ангарского населения (URL: <http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html>)).

По неясным причинам в статье Л.М. Сабуровой бродням, как и чиркам, уделено явно неподобающее место в сравнении с их значением в бытовой культуре

русских сибиряков. Исследовательница только упоминает о них, как об обуви для сенокоса [18. С. 134].

В каждом доме имелись наборы «наметов» (лекал) разных размеров, так как их главы были ответственными за обувь членов семьи. В семьях с достатком бродни покупали по цене 6–7 рублей за пару, среди которых выделялись так называемые тюменские бродни желтого цвета с расшитыми голенищами – традиция, хорошо известная в южных районах Европейской России [16. С. 340]. «Новые, только что сшитые и хорошо просмоленные или смазанные хорьковым либо медвежьим салом бродни, – писал В.К. Мультинов, – не промокают».

Для хождения по болотистой почве и воде бродни шили очень длинными – выше колен, в этом случае к ним прикрепляли второй ремень. Однако в процессе повседневной носки длинные бродни подворачивали, чего требовал «хороший ангарский тон» [17. Л. 4]. В архиве Красноярского музея сохранились фотографии крестьян Енисейской губернии в броднях такого типа, которые на юге Западной Сибири старожилы называли «бутылами» [20. С. 178].

Рис. 3. Пожилые крестьяне д. Яркиной Енисейского уезда. Снимок сделан в д. Яркино в 1911 г. Парный фотопортрет крестьян, снятых на фоне старинной часовни. Коллекция Ангарской экскурсии 1911 г.
 Источник: <http://www.perunica.ru/stfoto/3818-byt-enisejskoj-gubernii-konca-xix-8722-nachala-xx.html>

Женской повседневной обувью, как и в Западной Сибири, считались чирки. Видимо, именно обутыми в чирках запечатлел фотограф пожилых женщин из д. Яркиной Енисейского уезда в 1911 г. Женский чирок имел у заднего шва кожаную петлю, а вокруг верхнего края суконную оборку-опушку. Через опушку продергивалась веревка, стягивавшая чирок и обхватывавшая 2–3 раза ногу. Весной, когда не было кровососущих насекомых (мошки), чирки носили на голой ноге, а летом, осенью и зимой – с холщевым или шерстяным чулком. Холщевые чулки делали обычно белыми, а шерстяные окрашивали в красный, ярко-зеленый, лиловый, кубовый цвета. Встречались также чулки, связанные цветными полосками. Мужчины носили чирки на сенокос, но дополнительно пришивали к ним голенища из грубого холста домашней выделки. Поверх подвязывали их по ноге веревками [17. Л. 4].

При продолжительных работах на открытом воздухе, особенно в сыром снегу, в бродни вкладывали стельку из собачины (собачьей кожи с шерстью) – букули [17. Л. 4]. Культура «натурального промышленного», как зовут на

Ангаре «природного охотника», нередко с 15 лет гонящего без собаки лося («самогоном сохатого»), не могла не выработать легкую и удобную, приспособленную и к воде, и к сибирской стуже обувь типа бродней. Если бродни были удобны весной и летом в сезон охоты на уток и гусей, то для осени предпочитали так называемые бакари. Бакари обували с Покрова по декабрь, когда ходили добывать белку, хорька, лисицу, соболя, «горносталя», рассомаху, выдру, а также «зверя», т.е. сохатого или медведя [Там же. Л. 5]. Бакари представляли собой длинный суконный чулок (голенище), который пришивали к чирку из лосиной кожи с веревкой-перехваткой внизу. По этому поводу автор труда замечал, что «своеобразный охотничий шик почему-то не позволяет подвязать их ремнями» [Там же. Л. 4]. Вместо суконных голенищ нередко приспособивали также старые поношенные катанки (валенки). Для улучшения тепло-водозащитных свойств в бакари клали стельку букули. Можно предположить, что именно в такого вида обуви сфотографированы пожилые крестьяне д. Яркиной Енисейского уезда и губернии (рис. 3).

Интересна высокая оценка ангарской промысловой обуви, которую давал В.К. Мультинов, проводя сравнение с охотничьими сапогами: «Ангарская охотничья обувь во много раз превосходит охотничий сапог, который и натирает ногу, и промокает, и тяжел, если снабжен водонепроницаемым пузырьем». Впрочем, как замечает автор, в некоторых ангарских селах бакарями называли обувь в виде чирка без пришитого суконного чулка, т.е. повседневную. Мужские теплые носки ангарцы называли карпетками, вязанками, а более длинные чулки – трикотками [17. Л. 4].

В отличие от Западной Сибири, где основным видом зимней обуви, наряду с обутками и броднями, были валяные из шерсти пимы или катанки, в Приангарье валяная обувь была исключительно покупной и называлась базарной, т.е. сами жители ее не катали. Как известно из публикаций, почти не носили валенки в среде казачества, а также крестьяне на юго-востоке России [16. С. 251]. Ангарцы носили валяную обувь с портяными чулками. Пимы считались не особо удобными для прогулок по зимнему лесу, их обували в основном при лыжной ходьбе [17. Л. 4]. По-видимому, сюда не привозили так любимые в Западной Сибири узорные, поярковые пимы, хотя, по данным Л.М. Сабуровой, купленные пимы могли расшивать шерстью или бисером сами [19. С. 134]. Вместе с тем на фотографиях Ангарской экскурсии 1911 г. расшитых узорами пимов не запечатлено, т.е., по-видимому, эту традицию нельзя считать распространенной.

Располагая набором удобной и функциональной для охоты и рыбалки обуви, ангарцам не было необходимости заимствовать у эвенков их промысловую обувь. По мнению В.К. Мультинова, очень редко можно было увидеть ангарца «в тунгусской обуви из оленьей кожи», за исключением обитателей тех деревень, в которые «выходили тунгусы за припасами». Подтверждением весьма незначительного восприятия русскими Приангарья меховой обуви местных народов являются также многочисленные фотографии конца XIX – начала XX в., на которых изображены крестьяне Енисейской губернии, обутое в свои традиционные виды обуви. Приведем цитату на эту тему, раскрывающую механизм проникновения местных изделий в русскую культурную среду: «В голодные 1919 и 1921 годы такая обувь вместе с другими предметами тунгусского происхождения служила таежным инородцам меновой ценностью при отчаянных попытках во что бы то ни стало раздобыть хлеб, когда тунгусы ездили по всем ангарским деревням» [17. Л. 5].

Тем не менее, видимо, исходя из понимания того, что ангарцы редко, но все же приобретали или выменивали мягкие оленьи сапоги унты, Мультинов счел нужным остановиться на их описании. Эвенки снимали кожу с ног животного и изготавливали унты шерстью наружу. Внутри русские вставляли стельки из лыка, соломы, мха. «Эти унты, – пояснял автор, – имеют эффектный вид благодаря своей пестроте, образуемой

перемеживающимися полосками белого и коричневого цветов шерсти» [17. Л. 5]. Голенище унта заканчивалось оленьей опушкой-обшивкой, расшитой бисером пестрой цветовой гаммы. Кроме описанных, встречались и более длинные, выше колен, унты, стягивавшиеся под коленями оленьими ремнями. Верхняя часть унта, пришивавшаяся к нижней, носила название «лунтай» [17. Л. 6]. «Лунтай», «лунты», вероятно, как и «унты», – слова севернорусского происхождения для обозначения обуви, сшитой мехом наружу [10. С. 267]. У старообрядцев горных районов Алтая также встречались такие экзотичные для русского крестьянина меховые сапоги из кож с козлиных ног и собачьих шкур, как лунты. В описях коллекции С.П. Швецова значится: Лунты – теплые сапоги из козливой шкуры шерстью внутрь. Употребляются стариками для выхода зимой из дома [35].

Удлиненные унты, покрывавшие всю ногу, ангарцы называли дышиками. Вот что писал об этом виде обуви Мультинов: «Эта разновидность унтов зачастую превращается в штаны из оленьей же кожи, соединенные с собственно унтами, что имеет вид оригинального комбинезона». В связи с этим нельзя не вспомнить о древнерусских кожаных ноговицах (из юфти), остатки которых, датированные XVII в., были обнаружены археологами у арктических мореплавателей [9. С. 177]. Удобной обувью для ходьбы на лыжах автор считал хамчур (ср. зимние эвенкийские «хэмчурэ»: [21. С. 155]), которые представляли собой укороченные унты, по высоте и внешнему виду напоминавшие бакари. Хамчур изредка украшали вышивкой бисером. «Промышленные люди» изредка, вероятно, в сильные морозы, использовали их в качестве стелек-чулок в бакари или пимы [17. Л. 6]. Наконец, вторым видом обуви эвенкийского происхождения Мультинов называет «лакомеи» (ср. эвенкийские лакоми: [21. С. 159]), представлявшие собой мягкие сапоги из кожи с короткими голенищами. Их расшивали разноцветным бисером и носили на босу ногу, как пишет автор, «летом, главным образом, бабы». По данным Л.М. Сабуровой, лакомеи шили из сукна, ровдуги, т.е. оленьей замши, брезента, голенище пришивали к подошве в виде поршня (т.е. подошвы загнуты кверху) [19. С. 132].

Л.М. Сабурова упоминала о «лабутах», которые состояли из чирка с пришитым голенищем и разрезом спереди, укреплявшимся при помощи завязок [19. С. 133. Рис. 1]. В тексте ее статьи содержатся упоминания и об обуви из козьих, оленьих и лосиных камусов шерстью наружу с лосиными подошвами под названием «камчурь», «качутки», «капурь». Такую обувь делали высотой ниже колен с разрезом сзади (мужские) или спереди (женские) и с оборами, чтобы голенище плотнее облегло ногу. Оборы изготавливали из лосиной или коровьей сыромятной кожи, плели из шерсти или конского волоса. Распространенной Сабурова считала обувь в виде чулка из оленьей, лосиной, телячьей шкуры или овчины шерстью внутрь с подошвой из мягкой лосиной, конской, телячьей кожи – пупыри (на

Средней Ангаре), лосиные чулки (по Илиму). Зимой их надевали в бакари или ходили в них в помещении, например в охотничьем зимовье. Такое назначение имели меховые, овчинные или собачьи, впоследствии ватные стеганые, носки – накочутки. Перечисленные виды обуви, предназначавшиеся для зимних морозов, не находят аналогов в эвенкийских традициях.

В праздничные дни мужчины-ангарцы обували сапоги, а «местные дамы и девицы» красовались в ботинках, что можно увидеть на фотографиях начала XX в. Впрочем, замечает Мультинов, не все чалдоны могли позволить себе эту роскошь, и она являлась предметом «мечтаний и надежд молодежника» [17. Л. 6]. Надевавшиеся несколько раз в год сапоги «служили чалдону десятки лет» и нередко переходили от отца к сыну.

Летом мужчины и женщины обувались в туфли – туюфли, которые вязали из веревок и застегивали на пуговицы, но в изучаемое время они встречались редко [Там же. Л. 4]. Род туфель, плетеных из пеньковых веревок, под названиями «чуни», «шептуны», «шоптанники» были распространены в центре России. Исследователи полагают, что бытование такого рода туфель было связано с недостатком лыка [16. С. 255], однако можно объяснить это и хозяйственными соображениями использования отходов от обработки пеньки и льна. Л.М. Сабуровой удалось зафиксировать праздничную обувь, предназначенную специально для причастия в церкви – «чиберики», которые выглядели как «кожаный чувяк с загнутыми вверх носками» [19. С. 134]. Эти названия обуви (чиберики, чувяк) дают основания предположить наличие донского компонента [16. С. 250; 21], что усиливает позиции сторонников о связях чалдонов с Доном [22. С. 585; 23].

Известны были местным жителям и «галоши», которые носили вне зависимости от погодных условий и не снимали при входе в дом, т.е. использовали не по назначению. Вообще, как заключает Мультинов, местные щеголи и щеголихи предпочитают остроносую обувь, считая ее более изящной и модной. «Следовательно, и ангарцу не чужды заносимые сюда кооперативами требования и вкусы городского обывателя», – подытоживает автор [17. Л. 6, 7]. О плетеной обуви в виде общерусских лаптей косоного плетения ангарцы-старожилы не имели понятия и только слышали о них понаслышке от живущих не в Приангарье, но по соседству, в Канском районе переселенцев. Переселенцы же, ввиду особенностей их обуви, получили название «лапотонь» [17. Л. 6, 7]. В Западной Сибири, где старожилы могли обувать лапти летом на покос, для сбора ягод в болотистых местах, тем не менее, приезжавших в плетеной обуви переселенцев также называли лаптежниками, лапотниками.

Выводы. О том, что о русской народной обуви все еще сохраняется не очень ясная и полная информация, свидетельствуют разрозненные и отрывочные сведения о ней даже после выхода в свет таких обобщающих трудов, как «Восточнославянская этнография»

Д.К. Зеленина (1926), «Восточнославянский этнографический сборник» (1956), историко-этнографический атлас «Русские» (1967). В этих исследованиях нет упоминаний о русско-сибирской обуви, ее локальных вариантах, бытовавшей терминологии (см. карты атласа «Русские»). Анализ обуви русских Приангарья, по материалам очевидца бытования традиционных ее видов в 1926 г. В.К. Мультинова, показывает, что старожилы сохранили свои культурные ценности не только в видах, крое, терминологии повседневной, праздничной и даже промысловой обуви, но и дали новый импульс развития.

Г.С. Маслова считала основными видами кожаной обуви русских чарки и обутки в виде грубых туфель с каблуками или мягких выворотных туфель, которые в конце XIX – начале XX в. были преобладающими также в Западной и Восточной Сибири, включая Приангарье. Распространенные на севере и северо-востоке Европейской России бродни в полной мере были сохранены в качестве мужской и промысловой обуви сибиряков. Сходного вида рабочая и промысловая обувь-бродни была известна под этим названием в центре Европейской части России в виде мягких сапог [24. С. 90], в южном пограничье России, на Кубани в виде высоких сапог из коровьей кожи с подвязками к поясу [25. С. 386], на Урале [26. С. 485]. Очевидно, что наличие этой обуви свидетельствует и о популярности занятий у русских крестьян рыбалкой и охотой.

Меховая обувь у старожилов Приангарья имела большое разнообразие видов, часть из которых обнаруживает связи с местным населением Русского Севера, часть – с жителями Северного Урала, часть – с местными эвенкийскими формами. Однако это ни в коей мере не означает, что русские крестьяне пошли исключительно по простому пути усвоения теплой обуви у соседствующих народов: во-первых, они уже осваивали Сибирь как носители проверенных веками ремесленных знаний по обработке кож и мехов (скоры), во-вторых, крестьянам северорусского происхождения были известны многие виды теплой меховой обуви, в том числе промысловой до их переселения. Таким образом, в Сибирь первопроходцы-землепашцы пришли как умелые мастера по обработке кожи и меха, что, без сомнения, помогло им выжить, а впоследствии и адаптироваться в новых условиях. Широкий ассортимент обуви русских Приангарья свидетельствует не только о развитии домашних ремесел по обработке кожи и меха, но и о высокой степени изобретательности сибиряков, их способности найти удобную и функциональную обувь для проживания и осуществления всей системы жизнедеятельности в Сибири. Таким образом, разнообразие видов и типов обуви, материалов и приемов ее изготовления было обусловлено опытом жизни предшествующих поколений – выходцев из северных, северо-восточных и южных районов Европейской России, принесших в Сибирь свои навыки.

Некоторые исследователи, на наш взгляд, сильно преувеличивают роль и влияние коренных народов

Сибири в формировании сибирских костюмов, включая обувь. Делая упор на заимствования обуви от эвенков, включая терминологию, Л.М. Сабурова пришла к общему выводу, что «все виды теплой обуви имели сходство с эвенкийскими» [19. С. 133, 134]. Правда, тут же исследовательница практически отменяет это заключение, указывая, что в целом эта обувь «во многом отличалась от них [эвенкийских]», но дополнительной аргументации не приводит. Вместе с тем автором вскользь упомянут такой вид кожаной обуви, как бродни и чирки. Также вызывает сомнение сообщение о том, что местные жители покупали столь распространенные в Сибири ичиги у эвенков. Так, у русских Алтая до широкого распространения войлочных сапог-пимов мужской зимней обувью были ичиги, изготавливавшиеся из кож или овчин шерстью внутрь. Поиск аналогий ведет нас в южное пограничье России в низовье Дона, где исследователями зафиксирована сходного вида и названия обувь – «ичи-

ги» [25. С. 375]. На наш взгляд, локальный вариант бытования этих теплых сапог – серьезный аргумент в пользу чалдонов как представителей этнокультурной группы потомков служивых казаков Сибири. Добавим, что ичиги упоминались в архивных документах XVII, XVIII и особенно первой половины XIX в. [27. С. 232]. В таможенных книгах XVII в. (из РГАДА) можно увидеть, что из поступающих в Тобольск русских промышленных товаров господствовали изделия из животного сырья, и среди них упоминаются «ичегоги кожаные» [28. С. 85, 106]. В «Толковом словаре» В.И. Даля «ичегоги», «ичитыги» представлены как старая азиатская сафьянная обувь, полусапожки, сверх которых надевают башмаки, колоши, а также распространенные в Европейской России «босовики» [22. С. 67]. Из вышесказанного очевидно, что назрело решение проблемы археологических соответствий видам зимней и промысловой обуви, бытовавшей до момента широкого распространения пимов в XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука, 2013 (переизд. 1981). 347 с. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/verstka%20(1).pdf, свободный (дата обращения: 31.03.2017).
2. Красноярье: пять веков истории. Красноярск : Платина, 2005. Ч. 1. 240 с.
3. Fursova E.F. Mapping the Traditional Dress Types of Southwestern Siberian Old Believers (late 1800s – early 1900s) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2015. № 43/4. P. 114–126.
4. Левашева В.П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // *Очерки истории русской деревни X–XIII вв.* Труды Государственного исторического музея. М. : Советская Россия, 1959. Т. II. С. 38–60.
5. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. : Культура, Академический проект, 2015 (переизд. 1948 г.). 715 с.
6. Древнерусские кожаные изделия и обувь из коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир : Б/и, 2012. 40 с. URL: www.vladmuseum.ru/files/katalog/36.pdf, свободный (дата обращения: 27.03.2017).
7. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М. : Вост. лит., 2006. 664 с.
8. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага : Артия, 1986. 608 с.
9. Фармаковский М.В. Изделия из волокнистых материалов // *Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века*. М. ; Л., 1951. С. 172–178.
10. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991 (переизд. 1926 г.). 511 с.
11. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XIX вв. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2011. Т. II. С. 7–18.
12. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
13. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск ; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. 216 с.
14. Скобелев С.Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем средневековье – начале нового времени (по данным археологии) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2009. Сер. История, филология. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 231–250.
15. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Прин, 2015. 276 с.
16. Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // *Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда* (середина XIX – начало XX века). М. : Наука, 1967. 360 с.
17. Отдел рукописей Российского этнографического музея, г. Санкт-Петербург. Ф. 6. Оп. 1. № 22.
18. Фурсова Е.Ф. Восточные славяне в Западной Сибири: создание этноэкологических систем развития // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2000. № 3. С. 65–69.
19. Сабурова Л.М. Одежда русского населения Сибири // *Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия*. М. : Изд-во академии наук СССР, 1960. Т. LVII: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. С. 99–139.
20. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая половина XX века). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 296 с.
21. Василевич Г.М. Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгуски как исторический источник // *Одежда народов Сибири*. Л. : Наука, 1970. С. 137–165.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Русский язык, 1991. Т. IV: P-V. 683 с.
23. Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США / сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов, 1966–1970. URL: http://enc-dic.com/cossack/Chuvjak-1523.html, свободный (дата обращения: 01.04.2017).
24. Зиминова Т.А., Шангина И.И. Одежда русских центрального региона XVII – начала XX веков // *Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки*. М. : Индрик, 2011. С. 63–96.
25. Липинская В.А. Южное пограничье Европейской части // *Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки*. М. : Индрик, 2011. С. 367–422.
26. Чагин Г.Н. Приуралье XIX – начало XX века // *Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки*. М. : Индрик, 2011. С. 461–490.
27. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 251 с.
28. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. : Наука, 1967. 323 с.

Fursova Elena F., Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: mfl1@mail.ru

ETHNOGRAPHIC AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES ABOUT THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONS (BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN SHOES OF THE XVII-FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY).

Keywords: Russian old-timers; Siberia; the Yenisei region; traditional values; shoes; brodny; bakari; pimy (felt footwear).

The author uses ethnographic and archaeological sources to find out the historical roots of some kinds of footwear in Siberia. Analysis of archaeological collections of Russian medieval footwear XVI-XVII centuries and ethnographic materials of the XIX – first quarter XX century allowed to reveal the relevance of a number of traditions throughout the centuries. In consideration was taken of the fact that the shoes of the so-called "hard forms" with heels, presented in archaeological collections, differed significantly from the samples in rural areas, which in everyday life was soft, without heels. For centuries, the commonality persisted in the ways of fastening the shoe on the leg with the help of straps pulled into slotted holes or in the edge, and also tightened the shoe on the leg over the tops of the ankles and under the knee.

Author of the article analyzes the peculiarities of the shoes of the Russian Old residents of the Yenisei river region (specifically Angara river region) in the first quarter of the 20th century, mainly in terms of their search for creative solutions to the problem of life and activity in Siberian conditions. The research is based on archival records of the direct carriers of traditions before the appearance of footwear of mass production (1930s), the publication of ethnographers. An attempt was made to throw "a glance into the past from the present" to solve the question of the origin of fur and felt footwear, without which it is impossible to imagine life in Siberian conditions.

The author came to the conclusion that in Siberia Russian pioneers-tillers came as skilled craftsmen in the processing of leather and fur. These properties, as well as creativity in the search for forms of survival, no doubt helped them to adapt to the peculiarities of the local climate and landscape. Recognizing the fact that the processes of interethnic mutual influence proceeded in view of close residing of ethnic groups, nevertheless, the author does not consider them paramount in the formation of Angarsk peasants' shoes for different purposes, including fishing. Structures, techniques of making footwear, related terms are used as an ethnographic source for ascertaining the ethnocultural composition of the Yenisei river region people. Fur shoes of people at the Angara region had a wide variety of species, some of which show connections with the local population of the Russian North, some with residents of the Northern Urals, some with local Evenki forms. I would like to note that the conducted research using the data of archaeological and ethnographic sources highlights the problem of archaeological correspondences to the types of winter and fishing footwear that existed before the widespread distribution of "pimy" in the 19th century.

REFERENCES

1. Bykonya, G.F. (2013) Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraya v XVIII v. [The Russians in Enisei region in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
2. Bykonya, G.F. (ed.) *Krasnoyarske: pyat vekov istorii* [Krasnoyarsk: five centuries of history]. Krasnoyarsk: Platina.
3. Fursova, E.F. (2015) Mapping the Traditional Dress Types of Southwestern Siberian Old Believers (the late 1800s – early 1900s). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 43(4). pp. 114–126.
4. Levashova, V.P. (1959) Obrabotka kozhi, mekha i drugih vidov zhiivotnogo syrya [Leather, fur and other animal raw handling]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Ocherki istorii russkoy derevni X–XIII vv.* [Essays on Russian Village of the 10th - 13th centuries]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 38–60.
5. Rybakov, B.A. (2015) Remeslo Drevney Rusi [Old Russian Craft]. Moscow: Kultura, Akademicheskii proekt.
6. Vladimiro-Suzdal Museum-Preserve. (n.d.) *Drevnerusskie kozhanye izdeliya i obuv iz kollekzii arkheologii Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika. Katalog* [Old Rus leather goods and shoes from the archeological collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Preserve. A Catalogue]. Vladimir: [s.n.]. [Online] Available from: www.vladmuseum.ru/files/katalog/36.pdf. (Accessed: 27th March 2017).
7. Yazenko, S.A. (2006) *Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnye narody* [Ancient Eurasian Costume: Iranian-speaking peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Kibalov, L., Gerbenova, O. & Lomarova, M. (1986) *Illyustrirovannaya enziklopedi mody* [Illustrated Encyclopedia of Fashion]. Prague: Artiya.
9. Farmakovskiy, M.V. (1951) Izdeliya iz voloknistykh materialov [Products of fibrous materials]. In: *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka* [Historical monument of Russian Arctic navigation of the 17th century]. Moscow; Leningrad: glavsevmorput. pp. 172–178.
10. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic Historiography]. Moscow: Nauka.
11. Bogomolov, V.B. & Tataurova, L.V. (2011) Pogrebalnaya kozhanaya obuv russkikh Omskogo Priirtyshya XVII – XIX vv. [Funeral leather shoes Russian in Omsk Irtysh in the 17th - 19th centuries]. In: Tataurova L.V. (ed.) *Kultura Russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archeological Research]. Vol. 2. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 7–18.
12. Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1981) Mangazeya. Materialnaya kultura russkikh polyarnykh morehodov i zemleprohodzev XVI – XVII vv. [Mangazeya. Material culture of Russian polar explorers and discoverers of the 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Vizgalov, G.P., Parhimovich, S.G. & Kurbatov, A.V. (2011) Mangazeya: kozhanye izdeliya (materialy 2001 – 2007 gg.). [Mangazeya: leather products (materials of 2001 – 2007)]. Nefteyugansk; Ekaterinburg: AMB.
14. Skobelev, S.G. (2009) Predmetnoe sodержanie russkikh vliyaniy na materialnuyu kulturu korennykh naseleniya yuga Prieniseyskogo kraya v pozdnem sred-nevekove – nachale novogo vremeni (po dannym arkheologii) [Subject content of Russian influences on the material culture of the indigenous population of the South of the Yenisei region in the late middle ages - the beginning of modern times (according to archeology)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8(3). pp. 231–250.
15. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usadba v Tomske. 1660–1760 gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Voivode estate in Tomsk. 1660-1760: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D' Print.
16. Lebedeva, N.I. & Maslova, G.S. (1967) Russkaya kretyanskaya odezhda XIX – nachala XX v. [Russian peasant clothing in the 19th - early 20th centuries]. In: *Russkie. Istoriko-etnograficheskiy atlas. Zemledelie. Kretyanskoye zhilishche. Kretyanskaya odezhda (seredina XIX – nachala XX veka)* [The Russians. Historical and Ethnographic Atlas. Agriculture. Peasant dwelling. Peasant clothing (the mid-19th – early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
17. Department of Manuscripts of the Russian Ethnographic Museum. Fund 6. List 1. № 22.
18. Fursova, E.F. (2000) Vostochnye slavyane v Zapadnoy Sibiri: sozdanie etnecologicheskikh sistem razvitiya [Eastern Slavs in Western Siberia: creation of ethno-ecological systems of development of Eastern Slavs in Western Siberia: creation of ethno-ecological systems of development]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3(2000). pp. 65–69.
19. Saburova, L.M. (1960) *Odezhda russkogo naseleniya Sibiri* [Clothes of the Russian population in Siberia]. pp. 99–139.
20. Fursova, E.F. (2015) Traditsionnaya odezhda russkogo i drugih vostochnoslavyanskikh narodov yuga Zapadnoy Sibiri (konez XIX – pervaya polovina XX veka). [Traditional clothes of the Russians and other East Slavic peoples of the South of Western Siberia (the end of the 19th – the first half of the 20th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.

21. Vasilevich, G.M. (1970) Proizvodstvennyy kostyum evenkov Nizhney i Podkamennoy Tungusok kak istoricheskiy istochnik [The working costume of the Ewenki in the Lower and Stoney Tunguska as a historical source]. In: Ivanov, S.V. (ed.) *Odezhda narodov Sibiri* [Siberian People's Clothes]. Leningrad: Nauka. pp. 137–165.
22. Dal, V. I. (1991) *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
23. Gubarev, G.V. (1966–1970) *Kazachhiy slovar-spravochni*. [The Cossack Reference Dictionary]. [Online] Available from: <http://enc-dic.com/cossack/Chuvjak-1523.html>. (Accessed: 1st April 2017).
24. Zimina, T.A. & Shangina, I.I. (2011) Odezhda russkikh zentralnogo regiona XVII – nachala XX vekov [Russian clothes of the Central region in the 17th – early 20th centuries]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Indrik. pp. 63–96.
25. Lipinskaya, V.A. (2011) Yuzhnoe pogranchiye Evropeyskoy chasti [Southern border of the European part]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Indrik. pp. 367–422.
26. Chagin, G.I. (2011) Priuralye XIX – nachalo XX veka [The Urals area of the 19th – early 20th centuries]. In: Lipinskaya, V.A. (ed.) *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian folk clothes. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Indrik. pp. 461–490.
27. Shelegina, O.N. (1992) *Ocherki materialnoy kultury russkikh krestyan Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Essays of material culture of Russian peasants in Western Siberia (the 18th – first half of the 19th centuries)]. Novosibirsk : Nauka.
28. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII veke* [Crafts and trade in Western Siberia in the 17th centuries]. Moscow: Nauka.